

Михаил ЛЕБЕДЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН

История, в которой ничего нельзя было изменить

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АННА
БОРИС
ВИКТОР
МАТЬ АННЫ
СЕРЖАНТ
ОПЕР
ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира, стандартная для любого среднего городка в любом уголке земного шара. С улицы в открытое окно доносятся звуки бравурного военного марша. В комнату входит БОРИС, выглядывает в окно, весело машет кому-то рукой, кричит: «До завтра! В десять утра, как договорились!» Закрывает окно.

БОРИС (*подпевает маршу*). «... судьба нас ведёт. Вперёд, сыны Отечества! Вперёд, вперёд, вперёд!» Так, направление в кармане, родителям позвонил. Деньги? (*Достаёт бумажник.*) Деньги есть, Ане на первое время хватит. Что ещё? Рюкзак Витька обещал принести... «Вперёд, сыны Отечества! Вперёд, вперёд, вперёд!» Ага, в школу позвонить, насчёт вечера. (*Набирает номер на телефоне.*) Вероника Павловна, это Пономаренко. Вы ведь не откажете лучшему словеснику вашего учебного заведения в прощальном ужине с коллегами сегодня в школьному буфете?.. Как можно? Без вас наш мир будет совершенно неполным, совершенно... Часиков в семь планирую... Спасибо. Вы безусловно самый чуткий и нежный директор на нашей безумной скорбной планете. Буду ждать вас персонально и с пристрастием. До вечера. (*Завершает разговор.*) «Победа нас ждёт, судьба нас ведёт...» Значит, прикинем, кто будет. Математик, географичка, химичка, физичка, замполит, два завуча, директриса, физрук, военрук, биологичка, истеричка-историчка, завхоз, библиотекаряша. Никого не забыл? Тогда запишем: один коньяк, три водки, две белого, две красного и про запас бутылку тёщиного самогона. С закусками в буфете уже договорился. Будем считать вопрос закрытым...

Слышится звук отпираемой ключом входной двери.

Ага, вот и наша прекрасная половина человечества!

В комнату входит АННА.

Здравствуй, жена. Я ждал тебя.

АННА. Звучит цитатой из Шварца. Здравствуй, муж.

БОРИС. Садись скорее сюда. Нет, лучше сюда. Или сюда. Сейчас я буду говорить тебе новость.

АННА. Нет, можно я первая скажу? У меня тоже новость для тебя, я всю дорогу репетировала! Позволь, пожалуйста.

БОРИС. Конечно, радость моя. Я же не только самый красивый и умный, я ещё и чертовски деликатный супруг. Прошу.

АННА. Дорогой Борис... Нет, лучше милый, милый Боря. Лучше же?

БОРИС. Вне всякого сомнения.

АННА. Так вот, милый, милый Боря. В наше сложное, но такое счастливое время я не могла остаться в стороне от великого мужества своей страны. Я записалась на курсы медсестёр и уже совсем скоро стану помогать возвращаться в строй нашим раненым бойцам. Ведь появятся же раненые в этой войне? Пусть она будет победной и короткой, но на ней тоже станут стрелять. И конечно будут убитые и раненые, совсем немножко, но будут, так не бывает, чтобы не было. Вот я и пригжусь, а потом, после победы, вновь вернусь в свою библиотеку... Стипендия на курсах совсем мизерная, конечно, но мы справимся, переживём. Вытянем как-нибудь на одну твою учительскую зарплату, ведь правда? Скажи, что ты меня не осуждаешь за самовольство? Я так хотела сделать тебе сюрприз, так мечтала о том, что мы с тобой порадуемся за меня вместе. Ты же рад, милый мой Боря? Ведь рад?

БОРИС. Я рад, Анечка. Я никогда в тебе не сомневался. Ты самая лучшая, самая тонкая, самая ранимая душа в этом мире. Я счастлив за тебя, безмерно счастлив. Только с зарплатой не очень складно теперь будет.

АННА. Ты опять всю её перевёл в фонд обороны? Это ничего, Боря, это так справедливо, так важно сейчас. Мама моя поможет, твои родители не оставят в трудный час. Всей стране трудно, стыдно быть счастливым, когда трудно. Ведь так?

БОРИС. Всё так, Аня, всё так. Но здесь немножко другое. Садись, выслушай меня.

Раздаётся дверной звонок. БОРИС выходит из комнаты, АННА остаётся сидеть на стуле.

Голос Бориса из коридора. Неожиданное явление. Здравствуй, Бельцова. Здравствуй, Антохина. Проходите в гостиную.

Голос Бельцовой. Спасибо, Борис Ильич, мы буквально на минутку.

Приглушённый голос Антохиной. А у вас же жена там, да?

Голос Бельцовой. Это неважно. Мы просто хотели сказать, Борис Ильич, что очень уважаем вас за ваш мужественный поступок и всегда будем вас помнить.

Приглушённый голос Антохиной. И любить.

Голос Бельцовой. Да, и любить! Потому что мы раньше любили вас как педагога, а сейчас ещё больше полюбили как защитника Родины. И мы вас обязательно будем помнить всегда-всегда.

Всхлипывающий голос Антохиной. Даже если вас убьют на войне.

Голос Бельцовой. Даже если убьют. Потому что герои не умирают. Вот и всё, что мы хотели сказать.

Приглушённый голос Антохиной: А можно вас поцеловать на прощание? В щёку.

Голос Бельцовой. Не нужно спрашивать разрешения в такой ситуации. Мы просто поцелуем и всё.

АННА встаёт, подходит к комнатной двери, опирается плечом на косяк, наблюдает за происходящим.

Голос Антохиной. Спасибо. Мне так хорошо стало. Вы такой были учитель, такой...

Голос Бельцовой (Анне). Здравствуйте.

Голос Антохиной. Ой, здрасьте.

АННА. Здравствуйте.

Голос Бельцовой. Мы пойдём, Борис Ильич. Пожалуйста, берегите себя. До свидания.

Голос Антохиной. До свидания.

Голос Бориса. Подождите, как же...

АННА. До свидания, девочки.

Хлопает входная дверь. БОРИС возвращается в комнату.

БОРИС. Ну и вот. Ты всё услышала.

АННА. Да, я услышала. Когда?

БОРИС. Завтра, в десять тридцать утра должен явиться на сборный пункт. Старший лейтенант Пономаренко, рекомендуюсь.

АННА. Тебе пойдёт офицерская форма.

БОРИС. Вполне возможно. Ты счастлива теперь, скажи?

АННА. Так неожиданно... Я рада, Боря, я правда рада. Нет, я не рада, я горжусь своим прекрасным, отважным мужем, добровольцем, который не прячется за спины других смелых людей, а по зову открытой и честной души идёт на защиту Родины... Только слёзы, они как-то сами. Я не могу, Боря, я немножко поплачу сейчас. Прости.

БОРИС. Плачь, жена. Положено плакать в таких случаях, кажется.

АННА. Всё, я уже. Я больше не буду.

БОРИС. Вот и славно, вот и хорошо. Мне нужно собраться. Там всё выдадут, конечно, но на первое время: щётку зубную, носки, трусы — ты лучше знаешь, что мне будет нужно. Помоги, пожалуйста. Витька рюкзак свой обещал принести, он небольшой, так что ничего лишнего. Хорошо?

АННА. Да, я сейчас. *(Суетливо начинает собирать мужа на войну.)* Вот носки, два полотенца, четверо трусов: не спорь, меньше нельзя. Что же ещё? Бритва, мыло... Сколько книг ты можешь взять с собой?

БОРИС *(листает альбом с фотографиями)*. Не знаю, две-три. Сборник Лорки положи, «Митину любовь» Бунина и «Три товарища» Ремарка. Ничего больше не стоит, не нужно.

Звонит дверной звонок, БОРИС идёт в коридор открывать входную дверь.

Голос Виктора. Привет, военный.

Голос Бориса. Привет-привет. Модный какой рюкзак-то, хипстерский.

Голос Виктора. Какой есть.

БОРИС и ВИКТОР входят в комнату. В руках у БОРИСА рюкзачок нелепо-яркой расцветки.

ВИКТОР. Здравствуй, Аня.

АННА. Здравствуй, Витя... Боря, Пелевина не возьмёшь?

ВИКТОР. Ты ему ещё Быкова туда подсунь.

АННА. Боря Быкова не любит.

ВИКТОР. Я знаю.

АННА. Ну, Боря!

БОРИС (*отрываясь от альбома с фото*). Что? Нет, Пелевина не возьму... Подожди, иди сюда. Эту лучше твою фотографию взять или эту?

АННА. Эту. А вот мы все здесь втроём, молодые, весёлые, загорелые. В Карелии.

ВИКТОР. Нет, это на байдарках шли по Чусовой, на Урале.

АННА. Да? Может быть.

БОРИС. Эх, могли ведь раньше. Какое чудесное время было — ясное, мирное, лёгкое. Возьму и эту фотографию тоже.

ВИКТОР. И кто же это у нас такое чудесное, мирное и лёгкое время стёр напроочь?

БОРИС. Не начинай.

ВИКТОР. Ладно.

АННА. Витя, чайник поставлю? Будешь?

ВИКТОР. Не буду. Чего вам время сейчас на меня тратить, сколько его осталось-то? Я лучше пойду. Завтра встретимся на сборном пункте, приду проводить.

БОРИС. Спасибо, Витя. Слушай, ты ведь сможешь Ане здесь, если что? Понятно, что вся эта ерунда ненадолго, вернусь через два-три месяца. Но на всякий случай. Пообещай, мне так спокойнее будет.

ВИКТОР. Вот же ты дурак, прости господи. Хорошо, обещаю.

АННА. Боря, я маленькую баночку кофе положу? Она много места не займёт.

БОРИС. Положи. Ну всё, Витя, будь здоров. Спасибо ещё раз.

АННА. Пока, Витя. До завтра.

ВИКТОР. Пока. До завтра.

ВИКТОР уходит.

БОРИС. Ты любишь меня?

АННА. Я люблю тебя.

БОРИС. А если меня убьют?

АННА. Я буду любить память о тебе.

БОРИС. Не нужно. Полюби другого. Память важна, но жить одной лишь памятью невозможно.

АННА. Тебя не убьют, что за глупости ты говоришь.

БОРИС. На войне всё бывает, Аня.

АННА. Нет ещё никакой войны, Боря. Может быть, завтра мы проснёмся, а всё уже разрешилось каким-то странным удивительным образом. И тебе не нужно будет ехать в чужую страшную страну. И никому не нужно. И мы опять соберёмся вместе с Витей в далёкий байдарочный поход. И уедем в Карелию, на Урал, в Саяны — куда только захотим. Лето длинное, и оно только начинается.

БОРИС. Это вряд ли. Всё у нас будет, но только попозже, может, следующим летом. Победим врага — и всё хорошее вернётся. Я всё для этого сделаю, всё что в моих силах.

АННА. Я верю тебе. Верю и люблю.

БОРИС. Я тоже тебе верю. А сейчас мне нужно в школу, проститься с коллегами, они тоже ждут. Пойдёшь со мной?

АННА. Нет, я уже вышла из школьного возраста. Ты же там недолго? Я сейчас поглажу футболки, соберу рюкзак и стану тебя ждать. Потом ты придёшь, и у нас будет впереди ещё ночь. Долгая и красивая ночь. Всё, иди.

БОРИС. Я взял бутылку тёщиного самогона, если ты не против. Математик с замполитом его очень ценят за цельность формы и содержания. Вернусь буквально через пару часов. Ты самая замечательная женщина на свете. Обними меня, жена.

БОРИС уходит. АННА механически перебирает вещи мужа, потом срывается к окну, распахивает его и кричит: «Боря! Боря!.. Ничего, это я так. Иди, иди». Возвращается, садится на стул. С улицы гремят медью военные марши.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В кафе за столиком сидят АННА и ВИКТОР.

АННА. Уже без пяти шесть.

ВИКТОР. Придёт, он всегда держит слово, ты знаешь.

АННА. Я знаю.

ВИКТОР. Придёт. При-дёт. Принести ещё кофе?

АННА. Принеси. И Боре тоже.

ВИКТОР уходит к барной стойке. АННА смотрит в окно, затем встаёт, идёт к входной двери, но не открывает её, возвращается. Возвращается и ВИКТОР с двумя чашками кофе.

ВИКТОР. Держи. Надеюсь, не успеет остыть до прихода Бори. И вот что ещё.

Достаёт из бумажника несколько купюр, кладёт на стол, придвигает АННЕ.

Пока ещё от Борьки аттестат придёт, а на курсах твоих ничего, считай, не платят. А мне как раз премию выдали.

АННА. За что же тебе премию? Ты и премия: уму непостижимо.

ВИКТОР. За цикл публикаций «Малая моя родина». Я же все последние полгода по стране мотался. Малые города, милые люди в эпоху, так сказать, великих свершений. Всюду жизнь, как ни странно, всюду ещё жизнь.

АННА. Спасибо, Витя, не нужно. У меня есть сейчас.

ВИКТОР. Сейчас есть, завтра не будет. Кто его знает, как всё обернётся.

АННА. Всё обернётся хорошо, очень хорошо. Что за мысли у тебя такие? «Враг будет разгромлен решительно и быстро, наша скорая победа неизбежна, как восход солнца», — ты же знаешь, так нам обещают. Сомневаться в очевидном глупо, если не сказать больше. Не хочу ничего подобного от тебя слышать, не хочу! И деньги свои заberi.

ВИКТОР. Ладно, заберу.

АННА. Десять минут седьмого. Борин кофе уже остыл.

ВИКТОР. Будем ждать, что нам ещё остаётся... А помнишь, как он на станции от поезда отстал? Как же её...

АННА. Тайга, станция Тайга. Мы с Байкала тогда возвращались.

ВИКТОР. И ты умоляла меня сорвать стоп-кран.

АННА. А ты не сорвал.

ВИКТОР. Я не мог. Мы же с проводницей тебя держали, чтобы ты из поезда не выпрыгнула. «Вот его паспорт! Он не может без паспорта! Я только паспорт ему выкину!»

АННА. Это сейчас смешно, а тогда реально страшно было, пока Боря нас в Омске уже не догнал.

ВИКТОР. Догнал же. А за сорванный стоп-кран мне бы такой штраф выписали, что машину пришлось бы продать.

АННА. Но ты не сорвал. А Боря бы сорвал, не задумываясь.

ВИКТОР. Да, Борька, он такой. Ему думать вредно.

АННА. Не нужно думать, нужно чувствовать. Те кто умеют чувствовать, сейчас идут Родину защищать, а думающие, рассудительные только критикуют, кофе в заведениях попивая. На время выданную премию.

ВИКТОР. С коньяком. Кстати, хочешь коньяка? Давай закажу.

АННА. Половина седьмого. Он не придёт, его не отпустили.

ВИКТОР. Это армия, Анюта. Но он придёт, он всегда приходит и возвращается, как в тот убежавший от него поезд.

АННА. Он всегда возвращался ко мне. И сейчас вернётся, он не может не вернуться. Не может!

ВИКТОР. Конечно, не может... Вот, пожалуйста.

К столику подходит БОРИС в новенькой полевой офицерской форме.

БОРИС. Заждались, гляжу? Отставить скорбный внешний вид! Равнение на героя нашего времени!

АННА. Как долго я тебя ждала.

ВИКТОР. Она не хочет коньяк. Но ты-то ведь хочешь, я вижу. Закажу?

БОРИС *(протягивает Виктору армейскую фляжку)*. Уже здесь. Ступай за рюмками.

ВИКТОР уходит к стойке бара.

Прости, моя хорошая. Вырвался, как только смог. Через два часа поезд, погрузка техники уже окончена. Выдвигаемся к границе.

АННА. Но ты всё-таки смог.

БОРИС. Да, я молодец.

АННА. Я знаю. Ты очень красивый сейчас.

БОРИС. Кому-то и красивым нужно быть... Ну что ты? Всё хорошо, всё будет хорошо.

ВИКТОР возвращается с рюмками, разливает в них из фляжки коньяк.

ВИКТОР. Здесь со своим нельзя, они говорят. Я им киваю на вас, прощание славянки, говорю. Тогда, конечно, можно, говорят. На здоровье, говорят. Разгромим врага, говорят. Вот что военная форма животворящая делает.

БОРИС. Завидуй молча.

ВИКТОР. Пусть они завидуют, мне-то зачем?

БОРИС. Вредитель ты и враг народа. Давай за тебя, Витя, за старшего здесь остаёшься. *(Чокаются втроём, выпивают.)* И пока не забыл...

Внезапно от барной стойки из музыкальных колонок раздаются громкие звуки марша «Прощание славянки». Слышатся аплодисменты, выкрики посетителей кафе «слава нашей армии!», «за защитников Отечества!», «ждём с победой!». БОРИС встаёт, поднимает рюмку, улыбается, кивает окружающим, выпивает, садится. Марш и ажитация стихают.

АННА. Я им благодарна. Они от всей души.

ВИКТОР. Это слава.

БОРИС. Все имеют право на свои маленькие слабости, пусть даже на публичный патриотизм.

ВИКТОР. Это ты верно сейчас подметил.

АННА. Витя, перестань. Ну я прошу тебя. Такой день сегодня, а ты.

ВИКТОР. Я больше не буду.

БОРИС. Будешь, конечно, но любим мы тебя не за это. Ты же любишь Витьку, Аня?

АННА. Я забыла положить тебе ножик. Тебе обязательно понадобится нож, у вас же будут консервы. Где тут можно купить нож? *(Обращается к посетителям кафе.)* У кого с собой есть нож?! Я куплю, мы купим!

ВИКТОР. Ты у них про кистень спроси, про кистень. Нет ли тут случайно у кого-нибудь завалящего кистеня? Или хоть кастета?

БОРИС. Я же не один еду, Аня. Найдётся у кого-нибудь нож. Или куплю на первой станции.

АННА. Найдётся и купишь. Но это я забыла положить тебе нож. Понимаешь, я, я забыла. Ты едешь на войну, а я забыла про ножик, про этот дурацкий складной нож с красной ручкой, он так и остался лежать на стуле, я помню. Сейчас вспомнила.

БОРИС (*Виктору*). А, это который ты мне подарил. Красивый такой, швейцарский, многофункциональный. Я и забыл про него. Прямо даже пожалел сейчас.

АННА. А если я на такси, быстро, туда и назад?

БОРИС. Не нужно, мне уже, собственно, пора обратно. Там строго, там армия. Ничего вы, гражданские, не понимаете... Эх, как же мне сейчас хорошо с вами, ребята. Но пора. «Победа нас ждёт, судьба нас ведёт. Вперёд, сыны Отечества, вперёд, вперёд, вперёд!»

ВИКТОР. Не геройствуй там, военный. Ты нам нужен живой. Держись подальше от передовой, поближе к кухне, как деды завещали.

АННА. Ну что ты такое говоришь, Витя? Как Боря будет поближе к кухне, вот как? Его товарищи пойдут вперёд на врага, а он будет отсиживаться в тылу? Что ты несёшь? Он не такой, ты же знаешь. Ты не такой, Боря, ты не станешь таким. Я бы не смогла такого тебя полюбить... Господи, что я говорю. Чего я желаю, господи...

БОРИС. Я чертовски отважный, но очень аккуратный герой. Я стану себя беречь, обещаю. Но тебе не будет за меня стыдно, Анюта, это я тоже обещаю... А ты, Витя, обещал мне беречь Аню. Ты же справишься, верно?

ВИКТОР. Я справлюсь. Мы справимся. Идите уже расставаться без меня. Ни в одном фильме муж, отправляясь на войну, не прощается одновременно с женой и верным товарищем. Это противоречит всем канонам жанра.

БОРИС. Здесь ты прав. Ну всё, будь здоров. (*Обнимаются.*) Следующим летом пойдём в Саяны. Пойдёшь?

ВИКТОР. Пойду. Спокойнее там воюй, без фанатизма. Ступайте.

АННА. До свидания, Витя. Спасибо, что пришёл.

БОРИС и АННА идут к выходу из кафе. БОРИС останавливается, возвращается к барной стойке, кладёт на неё купюру.

БОРИС. Эй, есть кто-нибудь?.. Сто граммов водки гражданину вон за тем столом. Нет, двести... Пойдём, жена.

БОРИС подмигивает ВИКТОРУ, обнимает за плечи АННУ, и они уходят в вечерние городские огни. ВИКТОР встаёт, подходит к окну, смотрит им вслед, возвращается за столик.

ВИКТОР (*в сторону бара*). Там к водке огурцов подайте ещё, что ли. Солёных.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В своей квартире ВИКТОР правит только что написанную статью.

ВИКТОР. Куда втиснуть этот пассаж? Ага, вот здесь: «У покосившегося дома на лавочке сидели две старухи, молча наблюдая за наплывающим на реку вечерним туманом». Да, логично. *(Дописывает.)* «Может быть, вспоминали они ту давнюю страшную войну, когда наша страна встала на пути европейского фашизма»... Сейчас, разбежались: им в ту войну хорошо если лет пять было. Но кому это важно теперь?.. Дальше. «С кормами нынче совсем хреново стало», — не стесняется в выражениях председатель». Да, здесь будет к месту. *(Дописывает.)* «Немудрено, когда весь Запад обложил нас губительными санкциями»... Нет, «губительными» — это пораженчество. Тогда какими? «Бесчеловечными», напишем. Нет, «антигуманными». Сойдёт... Так, где ещё? Тут можно, да. «Маршрутка в райцентр была молчалива, как начавшиеся поминки». *(Дописывает.)* «Но в глазах людей сквозила вера в нашего президента, вера в победу»... Блядь, какой пиздец, какой лютый пиздец... Ладно, ещё всего одну мотивашку осталось вставить. Сейчас, сейчас-сейчас...

Раздаётся звонок в дверь. ВИКТОР выходит в коридор, возвращается с АННОЙ.

Так себе выглядишь, честно говоря.

АННА. Вторые сутки пришлось дежурить. Не успела смениться — новый санпоезд подкатил. Только в наш госпиталь сорок человек привезли. С ног валюсь, что ты хочешь.

ВИКТОР. Кофе я хочу. Будешь?

АННА. Буду. Две ложки положи, иначе засну прямо тут у тебя.

ВИКТОР. Так спи, я всё равно работаю ещё.

АННА. Про что работаешь?

ВИКТОР. Про людей. Про простых людей, а не этих всех с выпученными глазами.

АННА. Получается?

ВИКТОР. Пытаюсь... Ладно, ты пока в холодильнике пошарь чего к кофе, а мне ещё одну мотивашку нужно впихнуть. Я быстро, пять минут.

АННА. Чего впихнуть?

ВИКТОР. Мотивашку, обязательный мотивирующий резон. «Народ сплотился», «победа близка», «англо-саксонский фашизм», «как в Великую Отечественную», «ядерная триада в полной боеготовности», «не уступим свой суверенитет»... Ну и всё такое прочее. Штук десять неукоснительных рекомендаций в редакцию прислали. Замполит ещё месяц назад дошёл на планёрке новую идеологическую инициативу.

АННА. Ладно, работай, я сама.

АННА ставит чайник, достаёт из холодильника масло, делает бутерброды, заливает кипятком растворимый кофе.

У меня всё готово. Ты дописал?

ВИКТОР. Нет. Сама попробуй куда-нибудь всунуть лозунг про то, как «мы геройски держим фронт». В коровниках они его у меня держать должны? В дощатых уличных сортирах? В школе без отопления?

АННА. Должны. Мы все должны держать фронт, каждый на своём месте. Иначе зачем всё это?

ВИКТОР. И зачем?

АННА. Пей кофе, Витя, ешь бутерброды. Молча. Давай сегодня помолчим.

ВИКТОР. Давай. *(Пьют кофе, молчат.)*

АННА. Вспомнила, голова дырявая...

ВИКТОР. Решили же помолчать.

АННА. Ладно, отбой. Я же деньги тебе принесла, зарплату наконец вчера дали. Не весь долг, конечно, но половину возвращаю.

ВИКТОР. Не придумывай, оставь, не горит. Отдашь, когда разбогатеешь.

АННА. Нет, возьми пожалуйста. Ты ведь потерпишь ещё, Витя? Должен же когда-нибудь денежный аттестат от Бори прийти. Он пишет, что три рапорта командиру подал по этому поводу. Обещали разобраться.

ВИКТОР. Как он там?

АННА. Как все. Пишет, что всё хорошо, фронт держим, верим в победу.

ВИКТОР. Сам-то как? Здоров, не ранен?

АННА. Ты же его знаешь. Самочувствие отличное, настроение бодрое, готов к труду и обороне.

ВИКТОР. Хорошо бы. С другой стороны, цензуру никто не отменял.

АННА. Я понимаю.

ВИКТОР. Давно писал в последний раз?

АННА. В крайний.

ВИКТОР. Извини.

АННА. В субботу письмо получила. Три дня уже прошло.

ВИКТОР. Ничего, всё нормально. Боря у нас чёткий, Боря уже полгода на войне, Боря опытный. Не переживай.

АННА. Да я как-то уже привыкла переживать. Всё не так остро, как в первые недели. Все ждут, и я жду. Всё когда-нибудь кончается... У нашей старшей оперблока вчера закончилось: пришли двое из военкомата, принесли извещение и орден посмертный. А когда гроб ждуть, не сказали, сами не знают. Говорят, некоторые по полгода ждуть.

ВИКТОР. Всё образуется, Аня, всё наладится.

АННА. Тебе-то откуда знать? Что ты можешь знать про эту войну?

ВИКТОР. Что она никому не нужна.

АННА. Ты это в своей газете напиши, если такой смелый. Или нашим ребятам на фронте расскажи.

ВИКТОР. На войну меня не допускают. На войну у нас ездят лупоглазые, незамутнённые, проверенные, не сомневающиеся. Но я бы поехал, посмотреть что там на самом деле и как. Правда.

АННА. Не до правды сейчас, Витя. Как ты не понимаешь?

ВИКТОР. Почему? Прекрасно я всё понимаю. Правда сейчас лишняя, как тёплый сортир в деревенской школе, как вот это масло, которое только по талонам, как запрещённые ныне песни нашей юности. Ладно, не нужна так не нужна. Я разве против?

АННА. Совсем меня разморило, и кофе не спасает. Я прилягу, Витя? Просто полежу, устала.

ВИКТОР. Конечно, ложись.

АННА. А ты работай, не обращай на меня внимания.

ВИКТОР. Как-то ты возомнила о себе. С чего мне на тебя внимание обращать?

АННА. Ну и дурак. Я не буду спать, я только ноги вытяну. Гудят от усталости.

АННА ложится на диван.

ВИКТОР. Сейчас плед достану.

АННА. Да не нужен мне плед, садись работай. Я на тебя отсюда смотреть буду. И давай опять помолчим.

ВИКТОР. Хорошо. *(Садится за рабочий стол.)* Свет погасить?

АННА. Погаси. А у тебя пусть там настольная лампа горит. Она мирная, как до войны... Всё, молчим.

ВИКТОР работает в тишине. Потягивается, встаёт, подходит к спящей АННЕ. Достает из шкафа плед, укрывает её. Садится рядом, смотрит, потом неуверенно, кончиками пальцев проводит по волосам. АННА открывает глаза, молчит.

ВИКТОР. Ты заснула, я принёс плед.

АННА. Спасибо. Долго я спала?

ВИКТОР. Не знаю, я работал.

АННА. Хорошо у тебя, я пригрелась, и глаза опять слипаются.

ВИКТОР. Спи, ты мне не мешаешь. Скорее, наоборот.

АННА. Нет, пора идти. *(Встаёт, поправляет, причёску, одежду.)* А как твои дела — на работе и вообще?

ВИКТОР. Обычные дела. Окормляю читательскую паству, как могу. Но могу, сама понимаешь, плохо, без огонька.

АННА. Да уж понимаю.

ВИКТОР. Зато книжку начал писать.

АННА. Про что?

ВИКТОР. Кажется, про любовь. И про свободу.

АННА. В общем, про свободную любовь. Да ты шалун, Витька.

ВИКТОР. И про несвободу. Да, я шалун.

АННА. Как это: про свободу и несвободу?

ВИКТОР. Потому что диалектика, вот почему... Да не знаю я ещё. Задумка такая, а дальше как уж пойдёт.

АННА. Я люблю про любовь. Большая книжка хоть будет?

ВИКТОР. Наверное. Кажется, такие называют романом.

АННА. Ну и молодец. Всё у тебя получится, и мы ещё будем гордиться знакомством с большим писателем.

ВИКТОР. Большим, как слон.

АННА. Слон — полезное животное в хозяйстве, нам пригодится.

ВИКТОР. Мясо-молочная порода, а как же.

АННА. Ты смешной и родной... Всё, я пошла.

ВИКТОР. Я провожу.

АННА. Через двор перейти? Смешной. Ладно, спасибо тебе за всё.

АННА уходит. Виктор смотрит в окно ей вслед. Затем вновь садится за рабочий стол.

ВИКТОР (*пишет*). «Как выживать крестьянину в текущих экономических условиях, знает один бог и замполит агрохозяйства «Щеколдинское» Егор Кириллович Валетов: «Мы живём, а не выживаем, корреспондент, — объясняет он заезжему журналисту. — Может там у вас в городах и есть паникёры, недовольные продуктовыми карточками, но мы здесь, на своей земле даём стране эти самые продукты. Мы вот этими руками обеспечиваем продовольственный суверенитет державы назло вражескому агрессору. Если потребуется, последнюю корову со двора сведём, но не дадим...» Нет, не умею. (*Начинает лихорадочно править текст.*) Где здесь? А, вот «согласно последним указам президента». Нахрен. (*Вычёркивает.*) «Есть, есть и в деревне свои проводники тлетворного влияния Запада». В жопу. (*Вычёркивает.*) «Не допустим солдат НАТО на порог нашего общего дома». Обойдётся. (*Вычёркивает.*) Достали. Пусть сосут всей редакцией вместе с замполитом... Твари, ненавижу.

ВИКТОР сидит усталый, опустошённый.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В центре — гостиная квартиры Анны и Бориса. На диване сидят АННА и МАТЬ АННЫ. В левой части сцены БОРИС в блиндаже что-то пишет. В правой части сцены за столом сидит ОПЕР, напротив него стоит ВИКТОР. В зависимости от происходящего, свет акцентируется на месте действия.

Кабинет Опера.

ВИКТОР. Господин заместитель начальника оперчасти, трудовой поселенец Виктор Метельников по вашему распоряжению прибыл.

ОПЕР. У тебя бригада вторую неделю план не выполняет.

ВИКТОР. А мы причём? Литейка продукцию задерживает, с неё и спрос. Сколько поступает, столько и обрабатываем.

ОПЕР. Не умничай. С литейных тоже спросим, не сомневайся. Развелось, понимаешь, саботажников на третий год войны. На фронт бы вас всех,

дармоедов, под артобстрел. Там лучшие люди страны гибнут без снарядов, а отгрузка с завода сократилась на восемь процентов. Хочешь на фронт, Метельников?

ВИКТОР. Да мне поровну.

ОПЕР. Это ты так дерзишь, потому что знаешь: никто вас отсюда на войну не отправит. Вы же тиллигенция, пацифисты грёбанные, неблагонадёжные элементы. Раньше бы всех вас обнулили, чтобы стране дышать легче стало, но нынче не те времена, нынче у нас, понимаешь, гуманизм и оборонная необходимость в трудовых ресурсах... Ничего, после победы прямо здесь вас всех и закопаем, в Сибири. За ненадобностью.

ВИКТОР. Как скажете, господин заместитель начальника оперчасти.

ОПЕР. Я уже сказал... Ладно, с производством пусть дирекция разбирается, наше дело вовремя сигнал подать и за режимом следить. Пусть и не зона здесь, а трудовое поселение, но вам только волю дай, тилигентам... Как в общаге настроение у контингента, Метельников? Наблюдаешь пораженческие разговоры?.. Ты плечами мне тут не жми, ты на вопросы отвечай.

ВИКТОР. Настроение в общежитии рабочее, бодрое. Общий просмотр выпусков Военинформцентра проходит в обстановке духовного подъёма трудпоселенцев. Всё согласно внутреннему распорядку и даже более чем как.

ОПЕР. Сволочь.

ВИКТОР. Не без того.

ОПЕР. Обрыдла мне уже эта зима. Март кончается, а сугробы только таять начинают. У нас на Кубани уже жердёлы поди отцвели, а тут синицы со снегирами ещё на север не улетели. Занесла же служба в ледяную сторонку. А всё эта война ваша.

ВИКТОР. Ваша.

ОПЕР. Подрезать бы тебе язычок, Метельников, да поговорить потом не с кем здесь будет.

ВИКТОР. Благодарствуйте, ваше благородие, за доброту вашу, за участие.

ОПЕР. Цени, мудила-писатель.

ВИКТОР. Виноват, из журналистов мы, не из писателей.

ОПЕР. Я твоё личное дело, Метельников, наизусть помню. Но и хлеб свой не зря тут трескаю. *(Достаёт из ящичка стола папку с рукописными листами.)* Знакомая папочка, Метельников?

ОПЕР просматривает листы. ВИКТОР молчит.

Знакомая, знаю. Чего молчишь?

ВИКТОР. Жду.

ОПЕР. Чего ждёшь?

ВИКТОР. Оценки. Первый читатель, как-никак.

ОПЕР. Будет тебе моя оценка, будет. Вот это что? *(Достаёт из папки и предъясляет Виктору листки копировальной бумаги.)* А, Метельников?

ВИКТОР. Копирка.

ОПЕР. Отметим, использованная копирка. Какой отсюда вывод? А вывод простой: не единственный это экземпляр твоего романа, где-то лежат и другие. Логично? Логично. Ну?

ВИКТОР. Что, «ну»?

ОПЕР. И где?

ВИКТОР. Нигде. Я их сжёг, как Гоголь.

ОПЕР. Гоголем, значит, себя мнишь, Метельников, великим писателем земли русской.

ВИКТОР. Как прикажете, господин заместитель начальника оперчасти.

ОПЕР. Говно ты, Метельников, а не Гоголь. У того, помню, в «Ревизоре» обхохочешься, а у тебя длинное всё и нудное. Сорок страниц сплошной, понимаешь, зевоты, хоть название и острое, завлекательное. Как там? *(Заглядывает в первый лист.)* О, «Падение вверх». Я вначале подумал, что фантастика какая-нибудь про невесомость, но куда там: тонкие чувства, природа, философия жизни... Может дальше у тебя поживее задумано? Ну не знаю, убийство какое случится или инопланетяне прилетят. А, Метельников?

ВИКТОР. Нет, не прилетят. Сами, мы всё делаем сами, без всяких инопланетян.

ОПЕР. Жаль. Ну, допустим, нашёл ты здесь «дорогу» — хоть ногами, хоть с этапом, — отправил книжку свою на волю. И кто её читать там станет, кому это интересно? Хоть сам со стороны послушай. *(Читает из папки.)* «Солнце выползло из-за утёса медленной тяжёлой улиткой, расцвечивало галечниковую косу яркой краской ранне-осенней тайги. Наконец утренние лучи накрыли палатку, затвердевшую от первых таёжных заморозков: она чуть задымилась паром от тающего на тенте инея. Вверху за поворотом ворчливо шумел пройденный порог Базальт. Но сегодня он, нехотя выпустивший их вчера из мощной косой бочки, дышал ровно, неопасно в своём вечном ожидании рискованных людей, забравшихся на самую вершину реки утомительно редко. Хорошо если раз пять в год пройдут здесь через отмели и бешеные валы

порогов рыбаки на моторках или совсем уж чудаковатые городские люди на байдарках или катамаранах.

Скучно жилось на свете порогу Базальт, оттого и рад был он каждому случаю поиграть со случайными гостями. Бывало, что такие забавы завершались печально для пришлецов, но это входило в правила игры с дикой природой. И каждый, кто вступал в пределы реки, понимал, что менять эти правила никто ему здесь не позволит...

Сергей вздохнул, отряхнулся от утренней философии, вернулся в палатку. Лена смешно сопела носом, втянувшись с головой в тепло уютного спальника.

Сергей кончиками пальцев убрал с её лба выбившийся наружу непослушный локон, долго смотрел в родное лицо, не решаясь прервать самый тёплый, самый важный утренний сон...»

Смена акцента на квартиру Анны и Бориса.

МАТЬ АННЫ (*читает рукопись*). «... самый важный утренний сон.

Сергей прилёт рядом, смотрел в палаточный потолок, вспоминал пустишное, тонкое, хрупкое.

Вот Лена входит в аудиторию, набитую чуть растерянными первокурсниками, собранными на вводную лекцию. Идёт, выбирая свободное место, сдувая со лба падающую на глаза модную тогда чёлку, садится двумя рядами ниже рядом с крупным рыжим увальнем, вежливо уплотнившим на скамье соседей для прекрасной незнакомки. Это Юрка Безуглый, он погибнет потом на границе, первый из их выпуска, но ещё не знает об этом, и хорошо, что не знает...

Вот они почти незнакомой компанией идут в первый свой байдарочный поход, там встречают близкий к берегу водопад, добираются к нему по тропе, ведущей по коварному курумнику. Лена подходит к срывающемуся со скального уступа невеликому горному ручью с опаской и с красавцем Лёвой Киршоном, долго не решается встать под струю. Лёвка берёт её за руку и рывком стягивает в скользкую каменную чашу водопада. Как она смеялась тогда, как была счастлива! И поток воды обжимал купальником прекрасное загорелое тело...

А вот они идут ночной аллеей в общежитие со дня рождения Аси Лихонос, чуть нетрезвые, юные, весёлые. Лена что-то смешное рассказывает про своего щенка Пимку, оставшегося в далёком северном городке. И она совсем рядом, можно просто обнять, прижать к себе — только руку протяни. Но никак. Невозможно, страшно: а вдруг тебя отодвинут, брезгливо спросят: «Что это с тобой, Стрельников? Ты в своём уме?»...

В своём я уме, в своём, а ум говорит, что пора будить жену, жарить вчерашних хариусов, собираться и идти дальше. Реки ещё больше ста километров, и за ключом Заимочным, судя по карте, ждёт порог Строгий, по слухам, ещё жёстче, чем вчерашний Базальт. Новый день — это ещё один шаг в неизвестность.

Значит, пора в неё войти. Как в реку, как в эту самую реку...»

Всё? Да, Аня?

АННА. Пока всё. Там записка была, что Витя постарается написанное передавать мне с любой оказией, просит, чтобы я сохранила части рукописи до его возвращения.

МАТЬ АННЫ. Как он там сам-то?

АННА. Я не знаю, мама.

МАТЬ АННЫ. Так ты что же, не расспросила человека, который тебе это передал?

АННА. Я не поняла. Подхожу к подъезду, поздно уже, на лавочке незнакомый мужчина. Стараюсь быстрее в дверь прошмыгнуть — время такое, сама понимаешь. И тут он встаёт, спрашивает: «Вы Анна Пономаренко? Вам просили передать». Отдал пакет, развернулся и ушёл. Он же, наверное, долго меня ждал, а я и домой не пригласила чаем напоить, и про Витю ничего не спросила... Так я же не знала. Глупо всё получилось, ужасно глупо.

МАТЬ АННЫ. Ну что ж теперь. Значит, так надо.

АННА. Как тебе Витин роман, понравился?

МАТЬ АННЫ. Да. Витя хорошо пишет, негромко, на полутонах.

АННА. Потому что он сам такой, не резкий, что ли.

МАТЬ АННЫ. Не Борис.

АННА. Да, не Боря! Боря совсем другой, он прямой, он без тонкостей... Подожди, я тебе его последнее письмо сейчас прочту. *(Ищет письмо.)* Вот, слушай. «Здравствуй, милая моя Анюта. У нас здесь уже настоящая весна: зелёная трава, цветут абрикосы, аисты начинают строить свои гнёзда. Одно у нас прямо на позиции, на водонапорной башне... Эх, Анечка, закончится война, я привезу тебя сюда, мы проедем по этой красивой побеждённой стране, ты сама увидишь аистов, ласковые тихие реки, дикие абрикосовые рощи. Очень приятная тут природа: ровная, уютная, мягкая. Мы всегда стремились провести отпуск в дикой горной тайге, а сейчас мне совсем не хочется северных приключений, я исчерпал весь запас экстремальных эмоций, я жду тихих тёплых вечеров. Ты же помнишь: «Прозрачно небо, звёзды блещут. Своей дремоты превозмочь не хочет воздух. Чуть трепещут серебристых тополей листы...» Всё именно так, как описал Александр Сергеевич, а он знал толк в географии, пол-России объездил как-никак. И ещё я подумал, что нам тут будет хорошо жить. Давай потом уедем сюда, в какой-нибудь маленький степной городок или большое чистое ухоженное село, я вернусь в школу, тебе тоже найдём занятие: людей хватать не будет, каждый специалист станет на вес золота, мы справимся. Ты согласна, любимая? Только нужно дождаться победы, победы любой ценой. И мы обязательно победим, потому что на нашей стороне правда, последняя правда, которая возможна на этой земле...»

Высвечивается интерьер блиндажа.

БОРИС *(перечитывает своё письмо)*. «... которая возможна на этой земле. И мы станем возделывать эту землю, возделывать свой сад. Мы будем жить долго, счастливо и умрём в один день. Но день этот наступит не скоро, очень нескоро.

Пока же нужно жить той жизнью, которая выдана судьбой. Нашему полку предназначено держать фронт, и мы его держим с прошлой осени, вгрызшись в эту пока чужую для нас землю намертво. Плохое слово «намертво», но оно, в общем, точное. Тут непросто, Анюта, здесь всё довольно сложно, но мы стоим и будем стоять до упора. А летом, надеюсь, пойдём, наконец, вперёд. Просто я очень люблю тебя, Анюта моя, очень по тебе скучаю, очень хочу обнять, прижать к себе и знаю, что ты этого хочешь не меньше меня. А сейчас мне пора на обход позиций. Враг силён, враг ждёт любой моей ошибки, но я её не допущу. Потому что за моей спиной ты, наши родители, мирная жизнь, Родина. Живите спокойно, мы вас защитим. Люблю тебя, родная, целую. Борис». *(Складывает письмо в конверт, кладёт на койку.)* Вот так, милая, вот так. *(Наливает чай из термоса.)* Вот так, Аня.

В блиндаж входит СЕРЖАНТ. Он прилично старше Бориса.

СЕРЖАНТ. Разрешите, товарищ старший лейтенант?

БОРИС. Разрешаю, Старый. Тебя Метла отправил? Докладывай, чего ему там не хватает.

СЕРЖАНТ. Нет больше взводного, да и самого взвода нет. Двенадцать человек с трёх опорников сумел вывести. Там ещё тяжёлых трёхсотых с десятков остался. Эвакуацию бы организовать, ротный. Половина выживет, я думаю.

БОРИС. Кто дал приказ оставить позицию?

СЕРЖАНТ. Связи нет уже второй день, Метла отправил моба одного из новых необстрелянных с докладом, да не дошёл мобик, снайпер его снял в двухстах метрах, за бэтэром сгоревшим. Ну, у хаты с красной крышей, вы знаете.

БОРИС. Повторяю, кто разрешил оставить позицию?

СЕРЖАНТ. Не было никакой возможности удержать, товарищ старший лейтенант. Взводного уже убили, когда первый опорник к нам в окоп ссыпался: трое целых, четверо раненых. И слева уже обошли. Что мы там могли без огневой поддержки? Сдаться только... Я приказал отходить, ротный, я! С Белым вдвоём отход прикрывали, пока лента пулемётная не кончилась. Сколько сумел, столько привёл. Трёх бы срочно в госпиталь отправить сейчас, пока не кончились здесь.

БОРИС *(говорит в наплечную рацию)*. Тополь, приём! Тополь, приём!.. Это Водник. Докладываю: второй взвод под ударом превосходящих сил противника был вынужден оставить три опорных пункта на передовых позициях у деревни Плоское... Потери уточняю... Повторяю, опорные пункты перешли под контроль врага, запрашиваю воздух для удара по означенным целям... Как понял, Тополь? *(Рация хрипит неразборчиво.)* Понял, Тополь. Выдвигаю третий взвод через час. Прошу поддержать с левого фланга огнём и манёвром. Конец связи, отбой.

СЕРЖАНТ. Не надо бы вертушек, ротный. Они же там всё с землёй смешают — и наших трёхсотых тоже.

БОРИС. Не будет воздуха, Старый, не надейся. Сам пойдёшь, ножками, отбивать обратно позицию. Быстро назад бежали, теперь быстро обратно поползёте. Десять человек ещё придам из третьего взвода, два ручных пулемёта. Час на приём пищи, пополнение БК, запаса воды — и вперёд! И лучше вы там все ляжете, чем назад вернётесь ни с чем. Просто поверь.

СЕРЖАНТ. Понятно. На мясо нас, значит. Ладно, тебе же потом с этим жить, старлей, не мне.

БОРИС. Я как-нибудь переживу твою героическую смерть, сержант. И награжу посмертно, не сомневайся. Хоть ты дезертир и трус.

СЕРЖАНТ. Благодарю покорно: и за орден посмертный, и за дезертирское звание... Как же вы все тут начальства ссыте, хоть и тоже под смертью ходите вроде.

БОРИС. Пшёл вон, сволочь.

СЕРЖАНТ. Так точно, сволочь.

СЕРЖАНТ уходит. БОРИС надевает разгрузку, берёт автомат, идёт к выходу из блиндажа. Возвращается за неотправленным письмом жене, целует его, кладёт в карман.

БОРИС. Вот так у нас тут, Анюта. Вот так.

БОРИС уходит.

Акцент вновь смещается на квартиру Анны и Бориса.

АННА. «... Целую, Борис»... Он любит меня, мама, ты же видишь. И он живой, слава богу, живой.

МАТЬ АННЫ. Живой, это хорошо. Но уже мёртвый, ты не слышишь?

АННА. Что, что ты такое говоришь?! Как ты можешь, когда Боря там, на фронте?

МАТЬ АННЫ. Ты не поняла, Анечка, я не про это. Живой Борис — вот и славно, руки-ноги целы, пусть будет здоров. Только душа омертвела, как у всех у них там сейчас. И отойдёт ли когда потом, отогреется, бог весть.

АННА. С чего бы мертветь Бориной душе? Вот с чего ты взяла? Он любит меня, слышишь, любит!

МАТЬ АННЫ. Я слышу, дочь.

АННА. Нет, ты не слышишь! Не хочешь слышать! Тебе всегда Виктор нравился больше Бори.

МАТЬ АННЫ. Какая разница, кто нравится мне? Важно, чтобы тебе нравился. Это был твой выбор, не мой. Я не могу не принять выбор моей дочери. Боря для меня такой же родной человек, как и для тебя. Я желаю ему только хорошего, хочу, чтобы он вернулся с войны целым и невредимым. Внуков хочу, в конце концов.

АННА. Тогда зачем ты, зачем?

МАТЬ АННЫ (*после паузы*). Потому что ты не узнаешь его потом, и он не узнает тебя. Война меняет людей очень сильно, Анечка. И это самое трудное, самое страшное из того, что нам ещё только предстоит узнать. И меня она изменила, и тебя, а Бориса война перемалывает каждый час, каждую минуту.

АННА. Откуда, ну откуда ты можешь это знать?

МАТЬ АННЫ. Из письма, это профессиональное. Поверь старой актрисе — тексты никогда не врут: они не люди, которые могут притворяться, обманывать, убеждать, вызывать сочувствие и даже слёзы. Тексты не умеют лгать, они честнее живых людей.

АННА. Значит, мы с тобой читали разное. Как ты можешь не слышать, что Боря любит меня больше всего на свете, что он жизнь свою готов отдать, чтобы меня защитить? Нас с тобой, всю страну.

МАТЬ АННЫ. У меня хороший слух на текст, он обостряется с годами. Чем дольше живёшь, тем лучше слышишь.

АННА. Тогда я не хочу дожить до твоего возраста.

МАТЬ АННЫ. Если бы всё в этом мире зависело только от наших желаний.

АННА. Хорошо. Ты можешь мне коротко, в двух словах объяснить, что тебя не устраивает в тексте Бориного письма?

МАТЬ АННЫ. Он казённый, дочь. С искренними, но казёнными чувствами. Так бывает. И он слишком часто говорит о своей любви к тебе. Слишком громкая у него любовь, аж в ушах звенит.

АННА. Ты забываешь про военную цензуру. Он не может и половину своих эмоций передать в письме, которое пройдёт через чужие липкие пальцы. Ты не понимаешь. Он не свободен сейчас.

МАТЬ АННЫ. В человеке свобода или есть, или её нет. Всё просто. Буквы обмануть нельзя.

АННА. Я не понимаю, мама. Я правда, не понимаю.

МАТЬ АННЫ. Это не страшно. Поймёшь потом.

АННА. Ладно, Боря, по-твоему, казённый человек. Ты непонятно как увидела это из его письма, но допустим. А Витин текст, который мы с тобой сегодня читали, он какой: честный, свободный, правильный?

МАТЬ АННЫ. Он нежный... Давай пить чай, Аня. Я сушки принесла. И самогонки, конечно.

Освещается кабинет Опера.

ОПЕР. Ты сам, что ли, Метельников, на речках таких бывал?

ВИКТОР. Доводилось.

ОПЕР. Прямо здесь, в Сибири?

ВИКТОР. Не здесь, чуть подальше, но, в общем, примерно в таких же местах. По речкам сплавливались каждый год с компанией. На байдарках, катамаранах.

ОПЕР. Экстремалы, типа.

ВИКТОР. Типа.

ОПЕР. А я тебе так скажу: с жиру вы бесились, тилигенты, отвагой дешёвой тешились. Презирали простых людей, которые на огородах своих корячились, садами занимались, урожай собирали, банки с соленьями закручивали, пока вы дикую природу, стало быть, покоряли. Отдельными от народа себя ощущали, особенными. Так?

ВИКТОР. Вам виднее, господин заместитель начальника оперчасти.

ОПЕР. Это любому виднее, Метельников. Народу это виднее, тому народу, который картошку копал, пока вы, драчили, самолюбование своё тешили. Ну вот, дотешились, доигрались. И главное, опять они в дамках: солдаты на фронте полками гибнут, а эти, понимаешь, неблагонадёжные, их в тылу держать нужно, подальше от народа.

ВИКТОР. Полками, значит, гибнут. Полками.

ОПЕР. Ты меня за язык не лови, нас тут двое — ты да я. Замаешься доказывать.

ВИКТОР. И в мыслях не держал. А насчёт народа... Вы, господин заместитель начальника оперчасти, вокруг-то оглянитесь. Пять тысяч человек в три смены снаряды в нашем поселении изготавливают. А таких поселений нынче по стране не один десяток и не два. А сколько по строгим зонам политических сидит, сколько отказников? А сколько за границу сбежало? А сколько под ваши людоедские гимны лишь рот открывает, а про себя другие песни поёт? Это не народ, по-вашему? Я не народ?.. Ну, не народ так не народ.

ОПЕР. Вы все, Метельников, не народ, вы народец. Если ты понимаешь, о чём я.

ВИКТОР. Нет во мне иудейской крови ни капли, увя.

ОПЕР. Тем хуже для тебя. Ты чужой как народу, так и народцу. Инородец, ошибка природы. Неисправимая, похоже.

ВИКТОР. Вам виднее, господин заместитель начальника оперчасти.

ОПЕР. Да, зрение у меня пока хорошее. А главное, нюх у меня на вас заточенный, как у доброй служебной собаки.

ВИКТОР. Прошу заметить, не я это сказал.

ОПЕР (*пишет на листе бумаги*). Не ты, писатель, не ты... Много воли взял, гляжу, а воля твоя далеко за горизонтом живёт, отсюда не видать. А чтоб не забывался, вот тебе арестная записка, дежурному на выходе отдашь. Пять суток карцера. Я бы тебя там и сгноил, пацифистишку говорливого, да с меня самого спросят за нерациональное использование трудового ресурса... И вот что ещё, Метельников: снаряды-то ты здесь вот этими своими руками тачаешь. Всё для фронта, как говорится, всё для победы. И даже не надейся отмазаться потом от натурального народа, от меня, например. Не мечтай... Всё, свободен.

ВИКТОР берёт бумагу, выходит из кабинета.

Акцент смещается на блиндаж, куда входит БОРИС.

БОРИС (*говорит в наплечную рацию*). ... Так я два часа назад туда третий взвод отправил, позиции отбивать... Пятнадцать человек с сержантом Старым... Есть, забыть... Так точно, забыть... Как могли заминировали отход, товарищ майор... На ходу одна БМП, два бэтэра... Точка вывода деревня Сухой Брод, восемь километров восточнее оставляемой позиции. Понял, Тополь... Отбой. (*Выключает рацию, судорожно забивает в рюкзак спальник, штабные документы, гранаты, автоматные рожки, личные вещи.*) Вот тебе, блядь, и сходили за хлебушком. Сами ещё и виноватыми окажемся, как всегда... (*Снимает со стены фото Анны, целует его, кладёт в бумажник, осматривается.*) Отступаем мы сегодня опять, Анюта. Вот так у нас тут, родная, вот так... (*Направляется к выходу, сталкивается с вошедшим Сержантом.*) Ты, Старый? Вывел людей? Молодец, доложи обстановку, только быстро.

СЕРЖАНТ. Себя вывел, остальные все там полегли. Белый последним уже на позиции подорвался. Кто-то мину в проходе поставил.

БОРИС. Понимаю. Рота меняет позицию, отступаем за реку. Сапёры выставили минное заграждение для противника. Ну, сколько сумели... «Эфка» есть под рукой, сержант? А то я свои все в рюкзак уже запихнул.

СЕРЖАНТ (*протягивает гранату*). На, держи. Зачем?

БОРИС. Блиндаж подорвать, а то что-то здесь слишком уютно им будет... Всё, вперёд.

СЕРЖАНТ. Подожди, старлей, не так скоро.

БОРИС. Что ещё?

СЕРЖАНТ. Пацанов мёртвых вытаскивать оттуда ты, гляжу, не собираешься. А они ведь ещё утром живые были. Пятнадцать пацанов, пятнадцать. Ты их всех там положил. И сам шестнадцатым здесь с ними ляжешь. *(Передёргивает затвор автомата, целится в Бориса.)* Такой мой к тебе счёт, ротный.

БОРИС. Ты охуел, Старый? Ты что?

СЕРЖАНТ. Я ничего. *(Нажимает на спусковой крючок, слышится звук осечки.)*

Короткая пауза.

Значит, не твоя сегодня судьба. Пошли.

БОРИС. Пошли.

БОРИС с СЕРЖАНТОМ покидают блиндаж. Через несколько секунд в него скатывается граната, раздаётся взрыв.

Вновь освещается гостиная квартиры, где АННА лежит на диване, укрытая пледом. Её голова покоится на коленях МАТЕРИ АННЫ.

АННА. Почему так всё трудно в этой жизни, мама?

МАТЬ АННЫ. Никто не знает. Значит, так надо.

АННА. Что надо?

МАТЬ АННЫ. Всё. Мы не вольны собой распоряжаться. А знаешь, почему?

АННА. Почему?

МАТЬ АННЫ. Потому что так было бы скучно. Жизнь прекрасна, когда она ломает придуманный тобой сценарий. И уныла, если ты живёшь по заданному и защищённому техзаданию. «Они жили долго, счастливо и умерли в один день» — сказочная формула. Сказочно дурацкая и скучная. Или казённая, если хочешь.

АННА. Даже если война?

МАТЬ АННЫ. И война тоже жизнь, Аня. Ты живёшь, мы живём сейчас, такое время нам выпало, такая судьба. Остаётся только жить, потому что что нам ещё остаётся?

АННА. Страшно.

МАТЬ АННЫ. Да, страшно. Но и это тоже жизнь.

АННА. Я так устала, мама. Спой мне, как в детстве.

МАТЬ АННЫ. Что же я спою тебе, Анечка?

АННА. Не знаю. Что хочешь.

МАТЬ АННЫ *(после паузы)*.

Ты глядел на меня, ты искал меня всюду.

Я, бывало, бегу, ото всех твои взгляды храня.

А теперь тебя нет, тебя нет почему-то,

я хочу чтоб ты был, чтобы так же глядел на меня.

А за окном то дождь, то снег,

и спать пора, и никак не уснуть.

Всё тот же двор, всё тот же смех

и лишь тебя не хватает чуть-чуть.

Я иду без тебя переулком знакомым,

я спешу не с тобой — не с тобой, а с Наташкой в кино.

А тебе шлют привет окна тихого дома

да ещё старики, что всё так же стучат в домино.

А за окном то дождь то снег,

и спать пора, и никак не уснуть.

Всё тот же двор, всё тот же смех

и лишь тебя не хватает чуть-чуть.

Во дворе дотемна крутят ту же пластинку...

Ты сказал, что придёшь, хоть на вечер вернёшься сюда.

Вечер мне ни к чему, вечер мал как песчинка,

я тебя подожду, только ты приходи навсегда.

АННА спит. МАТЬ АННЫ гладит её по голове, смотрит в зал.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Разрушенный магазин: выбитые стёкла, перевёрнутые стеллажи, закопчённые стены, остаточный дым от недавнего пожара. ВИКТОР держит в руках

открытый рюкзак, БОРИС складывает в него найденные в магазине продукты.

У обоих на лицах респираторы, за плечами автоматы.

БОРИС. Хватит, что ли? Под завязку уже.

ВИКТОР. Ещё две бутылки воды войдёт, клади.

ВИКТОР затягивает полный рюкзак, опускает с лица респиратор. Поднимает перевернутый стул, садится.

Сигарету дай.

БОРИС протягивает пачку, садится рядом.

БОРИС. Думаешь?

ВИКТОР. Да плевать. Какая, в общем, разница. Курить хочу.

БОРИС тоже стягивает респиратор. Оба курят.

БОРИС. Это мы удачно первыми сюда заскочили. Хорошо что рядом с домом. Ещё один рюкзак можно набить. Быстро отнесёшь и возвращайся, я покараулю.

ВИКТОР. Ладно.

БОРИС. Надышимся мы с тобой тут, наловим зайчиков.

ВИКТОР. Одной дозой больше, одной меньше. Это же просто ракета легла, ударной волны, считай, и не было.

БОРИС. Да знаю я. Но фон-то никуда не делся.

ВИКТОР. Плевать.

БОРИС. Тебе можно плевать, по Сибири первого удара не было. Да и во время второго где-то на Урале отсиделся.

ВИКТОР. Под Стерлитамаком уже был. Туда тоже не прилетело.

БОРИС. Свезло.

ВИКТОР. Всем свезло, кто живой сейчас остался... О, опять.

Раздаётся тоскливый вой воздушной сирены. БОРИС и ВИКТОР не обращают на него внимания, лениво курят.

БОРИС. Это хорошо. Может, поменьше людей из убежищ выйдет.

ВИКТОР. Да прям, размечтался.

БОРИС. Да, тут не фронт, где при налёте каждый ныкался куда получится. А здесь любая тревога может последней стать, ныкайся не ныкайся.

ВИКТОР. Сколько вы там ещё в окопах сидели после первого удара по городам?

БОРИС. Мы три дня. Потом комбат офицеров собрал, говорит: «Второй батальон предлагает на прорыв идти. Домой, в смысле. Навоевались. Как там у вас настроение в ротах?» А что настроение, настроение известное: у всех в тылу родня осталась, у всех связи нет. Какая тут, к чёрту, война?.. Ну и пошли двумя колоннами, натурально боевым порядком. Настроение смертельное было, что ты: попробуй, останови! А останавливать некому уже оказалось, штабные раньше нас свалили. Всё как всегда.

ВИКТОР. Защитнички.

БОРИС. Не начинай.

ВИКТОР. Ладно. Дальше-то как?

БОРИС. Обыкновенно. Катились, пока соляра не кончилась. Потом двое суток пешим маршем до первой станции. А там уж кто как сумеет. Второй удар в Пензе застал, но там ближайший прилёт далеко был, вне зоны поражения остались. Электричество пропало, тяги нет. Автобус городской подрезали да дальше поехали. Ну, тут уже рядом было.

ВИКТОР. Верил, что Аня жива?

БОРИС. А что мне ещё оставалось?

ВИКТОР. А я не верил. Не позволял себе.

Пауза.

БОРИС. Тёщу жалко, хорошая была.

ВИКТОР. И стариков твоих.

БОРИС. Само собой. Но тут ведь случай какой: у Анюты тогда выходной выпал, она к матери поехала, а та, наоборот, к ней. Разминулись, получается. Тёщу там и накрыло, а Аня здесь жива осталась. Такие дела, брат... Ты-то как нас нашёл?

ВИКТОР. Соседи подсказали, Домниковы. В вашем подъезде жили. Они на даче во время удара ночевали, так и спаслись. Вот и добрался до вас сегодня. Чуть осмотрюсь, подвал поприличнее найду, отселюсь. Потерпи'те пока.

БОРИС. Да живи, не жалко. С убежищами сейчас непросто, все сухие и надёжные заняты, наверное. Ну, поищешь. Автомат этот дам, с автоматом искать сподручнее. Только вернёшь потом.

ВИКТОР. Прямо так, со стволом жильцов уплотнять?

БОРИС. По обстановке. Тебе никто рад не будет, время такое. У кого автомат, тот и прав. Нет автомата — освобождай помещение. Теперь всё стало просто, сложности остались в прошлой жизни. Научишься.

ВИКТОР. Вряд ли, но спасибо в любом случае.

БОРИС. На здоровье.

У выбитой двери в магазин промелькнула неясная фигура. БОРИС быстро берёт автомат, направляет в сторону дверного проёма. ВИКТОР не слишком ловко следует его примеру.

Эй, кто там? Не вздумай шалить!

Через паузу в дверях появляется ЧЕЛОВЕК В ПРОТИВОГАЗЕ и в плаще ОЗК. Обе руки подняты, в одной охотничье ружьё. Он делает успокоительные жесты и медленно кладёт ружьё на пол. Произносит что-то неразборчивое из-под противогазной маски.

Кто там ещё? Выходи по одному! Показываем обе руки!

Появляются ещё две фигуры ЛЮДЕЙ В ПРОТИВОГАЗАХ и в костюмах противорадиационной защиты явно не по росту. Похоже, подростки. В руках у них ничего нет.

ВИКТОР. Это дети, Боря.

БОРИС. Я вижу. (Людям в противогазах.) Проваливайте!

Взрослый ЧЕЛОВЕК В ПРОТИВОГАЗЕ что-то лихорадочно объясняет, жестикулирует.

Ничего не знаю. Пошли вон!

ВИКТОР. Это мать, Боря. У них совсем уже воды нет, как я понял. И еды.

БОРИС. И у нас почти закончилась. И Аня болеет.

ВИКТОР. Мы своё уже взяли, пусть и они своё возьмут.

МАТЬ В ПРОТИВОГАЗЕ встаёт на колени, ДЕТИ В ПРОТИВОГАЗАХ следуют её примеру.

БОРИС. Нет, Витя, каждому своё.

ВИКТОР. Jedem das Seine. Ты, конечно, помнишь, откуда это.

БОРИС. Ты меня сейчас нацистом обозвал?

ВИКТОР. Нет, это ты сам. (Опускает автомат, кивает людям в противогазах.) Проходите, там осталось ещё кое-что.

БОРИС. Стоять!

ВИКТОР (*кладёт руку на ствол автомата Бориса, опускает его вниз*).
Проходите, проходите. Дядя нервный, но добрый. Идите.

ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ проходят внутрь магазина, исчезают за стеллажами.

Вот и всё. Ну чего ты, Боря? Всё нормально.

БОРИС. Дурак ты. Не выживешь здесь, не сумеешь.

ВИКТОР. А ты уверен, что вообще кто-то выживет?

БОРИС. Зачем думать об этом?

ВИКТОР. Чтобы не портить себе сопроводительные документы.

БОРИС. Какие ещё сопроводительные документы, куда?

ВИКТОР (*кивает вверх*). Туда.

БОРИС. Ты в Бога уверовал, что ли? Самое время. Вокруг-то оглянись: какой Бог, какие заповеди? Не убий, не кради, не желай дома ближнего твоего, ни жены ближнего твоего, ни раба, ни рабыни его... Кончились все скрижали, Витя, как ты не понимаешь? Он сам их стёр из человека. Кто теперь подобие Божие, где ты их видишь? Я это подобие? Ты? Те, кто на кнопку нажимает, чтобы города в радиоактивную пыль обратить? Кто?

ВИКТОР. «Плитняк раскалялся, и улицы лоб был смугл, и на небо глядел исподлобья булыжник, и ветер, как лодочник, грёб, по лицам. И все это были подобья».

БОРИС. Да причём тут?

ВИКТОР. Ты как-то вообще всех записал в исчадия ада. Не осталось подобий Божьих?

БОРИС. Нет, не осталось.

ВИКТОР. А Аня?

БОРИС (*после паузы*). Ладно, пошли, праведник.

БОРИС и ВИКТОР встают. ВИКТОР надевает рюкзак. Из-за стеллажей выходят ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ с пакетами, нагруженными водой и продуктами. Опасливо сталкиваются у выхода с БОРИСОМ и ВИКТОРОМ. БОРИС делает приглашающий жест рукой.

После вас, мадам.

ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ осторожно выходят из магазина. БОРИС и ВИКТОР надевают респираторы, следуют их примеру.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Слегка обжитый подвал, освещаемый сиротливой лампой под потолком. Где-то за стеной негромко работает генератор. БОРИС за столом чистит автомат, АННА подходит с двумя кружками чая, садится.

БОРИС. Спасибо, родная. Читай дальше... Нет, подожди. Который день строчка в голове крутится «... и все они были подобья». Не могу вспомнить стихотворение. Как заноза засела.

АННА «... И всё это были подобья». Пастернак, «Марбург».

БОРИС. Точно. Совсем память отшибло.

АННА. С чего она тебе в голову пришла?

БОРИС. Не помню, неважно... Давай, что там у него дальше.

АННА (*читает рукопись романа*). «Автобус теперь только в среду будет, — дедок снял шапку, почесал проплешину. — Три дня вам теперь, молодёжь, куковать здесь придётся. А коль деньги лишние есть, так сходите к Кольке-коммерсанту, он, считай, каждый день в райцентр мотается за товаром, может и вас завтра прихватит. Вон его дом, крайний в конце улицы, с вывеской на калитке «Магазин». Только бесплатно не повезёт, нет у него такого в заводе. Так что, как договоритесь». «Спасибо, дедушка», — поблагодарила Лена... Колька-коммерсант отказал в самой категорической форме, где из цензурных слов были «машина», «никак» и «его знает». Не со зла, а исключительно в силу лексических особенностей организма. Так-то тон Николая был вполне участливым, просто машина поломалась и лишь один известный орган знает, когда теперь наладится.

Зато купили они у жены Николая буханку хлеба, пару банок рыбных консервов, полкило дешёвых сарделек и пачку макарон. А сам коммерсант от щедрот презентовал бутылку самогона вполцены. С таким продпайком можно было неделю продержаться, не то что три дня.

Вечером, когда гуляющие по берегу коровы ушли спать на свои подворья, Сергей с Леной сидели у уютного костерка, закусывали килькой крепкий николаевский самогон и считали падающие сентябрьские звёзды.

«На встречных курсах», — сказал Сергей. Лена не поняла. «Мы стремимся к звёздам, звёзды падают вниз, — пояснил чуть нетрезвую и оттого чертовски важную мысль супруг. — Взлёты и падения, вся наша жизнь состоит из падений и взлётов. И последнее, смертельное человеческое падение становится падением вверх. Даже если всю жизнь ты падал вниз».

Мысль нуждалась во вдумчивом анализе, и Лена протянула кружку. Сергей плеснул из пластиковой бутылки. Разговор требовал яркого багряного вина в тяжёлых золотистых кубках, но и так хорошо получилось.

— Наверное, ты прав, — сказала Лена. — Часто крайняя, казалось бы, степень падения даёт шанс выйти за другой, новый горизонт жизни. Такое падение вверх.

— Иногда падение — это просто падение, — вдруг решил опровергнуть себя Сергей.

— Возможно, но любовь, любовь всегда движет тебя туда, к звёздам. Только любовь.

— Какие ваши доказательства? — улыбнулся муж, который обо всём этом догадывался без всяких документальных свидетельств.

— Ладно. Как же там...

В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лёд этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...
О чём ты? Опомнись! Пропало. Отвергнуто.

Тут жил Мартин Лютер. А там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И всё это помнит и тянется к ним.
Всё — живо. И всё это тоже — подобья...
Дальше забыла, не помню. Но ты же понял меня, да?
Сергей понял. Когда-то он ощущал себя там, в Марбурге, вместе с поэтом.
Испытывал на себе тот же разлетающийся вдребезги мир, то же падение в пропасть в никуда, в ничто. Но мир собрался вновь. И этим его миром была Лена».
Странно, правда?

БОРИС. Что странно?

АННА. Что ты только что вспомнил строки Пастернака, а сейчас они вот, в Витином романе.

БОРИС. Совпадение. Бывает... Всё на этом?

АННА. Пока всё. Только эпилог остался, так Виктор сказал. Допишет, принесёт.

БОРИС. Изменился он? Как тебе показалось?

АННА. От всех нас, прошлых, мало что осталось. Но в Вите осталось больше человеческого, чем в других.

БОРИС. И в чём же эта большессть?

АННА. Не знаю. Может быть, в книге, которую он пишет, несмотря ни на что. Уже нет музыки, кино, театров, библиотек, ничего нет. И никому это не нужно. А он пишет роман.

БОРИС. Зачем?

АННА. Я не знаю. Значит, так надо. И в этом его отличие от всех нас, стремящихся выжить в этом аду любой ценой. Даже ценой потери себя.

БОРИС завершает сборку автомата, оттягивает затвор, производит контрольный спуск, вешает его на стену.

БОРИС. Готово дело... Я не потерял себя. Я не могу себя потерять, пока у меня есть ты. Потому что я люблю тебя.

АННА. Чаю налить ещё?

БОРИС. Нет. Почему ты не говоришь, что любишь меня?

АННА. Потому что, ты об этом говоришь каждый день, как будто пытаешься себя в этом убедить. И как будто вынуждаешь меня в ответном признании. Словно тебе от него станет легче.

БОРИС. Это с фронта. Там ты твёрдо должен быть уверен, что подчинённый точно уяснил поставленную задачу, потому требуешь от него повторить команду. Просто привычка.

АННА. Я не подчинённый, Боря... Не стану сегодня чашки мыть, воды в бутылки на доньшке осталось.

БОРИС. Не мой.

Раздаётся короткий стук и голос: «Это я, Виктор!» БОРИС открывает дверь. В убежище входит ВИКТОР с гильзой от снаряда, ставит её на пол, снимает респиратор.

ВИКТОР. Здравствуйте, хозяева. Не спали ещё?

АННА. Нет. Книжку твою читали.

ВИКТОР. Нравится?

АННА. Нравится.

ВИКТОР. Ладно, от вас правды однозначно не дождёшься, пусть. Вам всё равно, а мне приятно.

БОРИС (*кивает на гильзу*). От САУшки, 105 миллиметров. Зачем она тебе?

ВИКТОР. Надо. От виадука тащил, дай, думаю, к вам загляну по дороге, передохну.

АННА. Чай будешь?

ВИКТОР. Буду. А у меня для тебя вот что есть. *(Кладёт на стол шоколадку.)* В смысле, для вас.

БОРИС. Широко жил партизан Боснюк.

ВИКТОР. А то. Выменял на рынке всего за три пачки сигарет.

АННА. Я забыла, когда шоколад последний раз видела.

БОРИС. Крайний.

АННА. Крайний, да.

ВИКТОР. Вот и хорошо. В смысле, плохо что забыла, но сейчас хорошо. Запутался, в общем.

БОРИС. Что вообще нового? Как там у тебя дела? Неделю, наверное, не виделись.

ВИКТОР. Да как у всех. Налётов нет, жизнь на районе потихоньку налаживается. Радиоприёмник вчера нашёл в развалинах у хлебозавода. Рабочий, только батарейки почти сели. У вас нет?

БОРИС. Нет. Что говорят?

ВИКТОР. Да он у меня полчаса всего поработал. Говорят, враг будет повержен неминуемо и скоро, одним ударом по центрам принятия решений. Верховный главнокомандующий благодарит силы стратегической авиации за нанесение противнику поражения на обширном участке временно оккупированных территорий. Певец Бубен награждён звездой героя за беспрецедентную духоподъёмность его патриотического творчества... Где они все сейчас поют, в бункере, что ли? Так-то никаких песен не транслировали, только приказы ставки и сводки с так называемых фронтов. Везде, конечно, побеждаем... Но я ж говорю, мало что успел услышать. Теперь бы батарейки найти.

БОРИС. Значит, опять мы удар нанесли, если стратегические бомбардировщики упомянуты. А у тех ответка не заржавеет. Недаром тихо здесь всю крайнюю неделю. Не к добру.

АННА. Ладно, стратеги, хватит вам. Вот чай, давайте шоколадку делить.

ВИКТОР. Я не буду, не хочу. А за чай спасибо, Аня.

БОРИС. Чего там делить? Вся твоя. Так, Виктор?

ВИКТОР. Пусть так.

АННА. Спасибо, Витя.

Снаружи доносится сигнал воздушной тревоги.

ВИКТОР. Ты меня напугал своими познаниями в военной стратегии, так что пойду. Минут за десять доберусь до дома.

Идёт к выходу, подхватывает гильзу, надевает респиратор.

АННА. Спасибо за шоколадку, Витя.

БОРИС. Аккуратнее там. Какой-никакой, а комендантский час.

ВИКТОР. Всё, пока. Берегите себя.

ВИКТОР уходит. АННА и БОРИС возвращаются за стол, пьют чай.

БОРИС. Вкусная шоколадка?

АННА. Вкусная. Будешь?

БОРИС. За что ты так со мной?

АННА. Как?

БОРИС. У тебя лицо светится, когда его видишь. Как у Мадонны.

АННА молчит.

Я хотел его убить, когда он опять здесь появился. В первый же вечер, там, в магазине. Он лишний, он всегда был лишним... Роман этот его дурацкий, Пастернак зачем-то... Мы жили так хорошо, так счастливо. Что он тебе, зачем? Я готов всё для тебя сделать. Покажи пальцем на человека, скажи: «Убей его». Убью, не задумываясь... Мы должны были быть счастливы вместе — долго, всю жизнь.

АННА. Сколько у нас её ещё осталось, Боря?

БОРИС. Я не знаю. Никто не знает. Но я отдам за тебя свою жизнь, если потребуется.

АННА. Или заберёшь чужую по моему желанию.

БОРИС. Потому что я тебя люблю.

АННА. А он не заберёт, даже если я ему прикажу. Даже если любит.

БОРИС. Потому что он слаб, он не справится здесь, он умрёт быстро и незаметно.

АННА. Мы все умрём, Боря. Так уж устроено у людей... Я устала, пойдём спать.

БОРИС. Иди. Я схожу за водой.

АННА. Как хочешь. Только недолго.

АННА идёт к дивану, ложится, накрывается одеялом, отворачивается к стене. БОРИС выливает из бутылки остатки воды в чайник, пустую бутылку засовывает в рюкзак, возвращается за стол. Молчит.

БОРИС. Ты спишь? Прости, я тут лишнего наговорил. Ничего я такого не думаю. Я люблю тебя. Ты простишь меня? Простишь?.. Ладно, спи.

БОРИС надевает рюкзак, берёт автомат. У двери останавливается, долго смотрит на АННУ, уходит. АННА встаёт, садится за стол, перебирает листы Витинового романа.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

АННА вновь читает листы романа, но уже в убежище Виктора. На стене висят большие круглые часы, приличествующие солидному учреждению. Под ними рукописное объявление «Время примерное, не то что вы» с улыбающейся рожицей. На столе лежит автомат, рядом стоит радиоприёмник.

АННА. «... Небо закружилось, как яркая детская карусель. Сергей сорвался с этой карусели и почувствовал свою отлетающую, ненужную уже здесь душу. Она падала, но падала вверх. Рядом с ней падала вверх смеющаяся душа Лены. И он внезапно понял, что всё только начинается. И уже не в первый раз»... Дописал, значит. Значит, вот так всё будет. Значит, не страшно. Ладно, пусть.

АННА включает радиоприёмник, подкручивает верньер настройки. Сквозь хрип помех оттуда врываются звуки марша «Вперёд, сыны Отечества! Вперёд, вперёд, вперёд!» Затем зачитывается очередная реплика о победах под Сызранью.

Старые песни о главном. Господи, что мы считали главным, зачем? Зачем всё это было, если теперь всё так? Кто придумал эту войну, эту нашу нынешнюю жизнь? Полужизнь. Четвертьжизнь. За что?.. Да за всё. Всеми своим счётом. Вот и платим. Никто, кроме нас.

Входит ВИКТОР, снимает респиратор.

ВИКТОР. За виадуктом тоже не нашёл. Пытался расспрашивать, но сама понимаешь, все шарахаются, боятся говорить. Он конкретно не сказал, в какую сторону пошёл?

АННА. Нет, просто сказал, что за водой. А колонка у нас одна осталась, у мехзавода, ты знаешь, там ещё всегда очередь.

ВИКТОР. Я там утром уже был, никто Борю не видел.

АННА. Не понимаю, я не понимаю.

ВИКТОР. Найду, не волнуйся. Я его обязательно найду. Он всегда возвращался, ты же помнишь.

АННА. Я помню.

ВИКТОР. И сейчас вернётся.

АННА. Нет, не вернётся. Я чувствую.

ВИКТОР. Не говори глупости.

АННА. Мы всю жизнь говорим глупости. Мы всю жизнь творим глупости. И зачем-то этим гордимся.

ВИКТОР. Ну, а чем нам ещё гордиться? Приходится гордиться исключительно тем, что есть. Видишь, какая гордость оттуда льётся? *(Кивает на радиоприёмник.)* Чистокровная, породистая, с древней родословной.

АННА. Откуда у тебя эти часы? Они показывают неправильное время.

ВИКТОР. А кто сказал, что сейчас вообще правильное время?

АННА. Я дочитала твой роман.

ВИКТОР. Да? Хорошо, что напонила.

АННА. Он нежный.

ВИКТОР собирает со стола листы романа, скатывает их в рулон, перевязывает шнурком. Заворачивает роман в полиэтиленовый пакет, потом в ещё один, плотно обматывает скотчем.

Зачем?

ВИКТОР. Так надо.

ВИКТОР засовывает роман в снарядную гильзу, забивает отверстие заранее изготовленной деревянной пробкой. Пробку тоже обматывает скотчем.

АННА. Зачем?

ВИКТОР. Послание потомкам. Будут же у нас какие-нибудь потомки? В смысле, не у нас с тобой, а вообще... Что-то я не то сказал.

АННА. «И все это были подобья».

ВИКТОР. Ну, типа того.

АННА. Наши подобья.

ВИКТОР. А чьи ещё? Конечно, наши.

АННА. Наши с тобой.

ВИКТОР *(после паузы)*. Я не знаю, что сказать.

АННА. Ничего не говори. Я уже всё сказала.

ВИКТОР. Ладно, я пойду поищу Борю у набережной. Туда ещё не ходил.

АННА. Не нужно. Он не вернётся, он ушёл совсем. Он наконец всё понял.

ВИКТОР. Я не могу.

АННА. Ты можешь.

Звучат громкие шаги. В комнату входят ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ с автоматами и одинаковыми повязками на рукавах специальных защитных костюмов. Это другие ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ, не из магазина. Двое берут на мушку АННУ и ВИКТОРА, третий ходит по убежищу, что-то ищет, производит максимальный беспорядок. Ничего не находит, злится, сбрасывает на пол радиоприёмник. Пинает снарядную гильзу, ВИКТОР аккуратно закатывает её ногой под стол. Наконец, старший требует документы для проверки, затем достаёт из папки лист официальной бумаги, громко и невнятно зачитывает его. Что-то спрашивает из-под противогаза.

ВИКТОР. Ясно.

АННА. Понятно.

ЧЕЛОВЕК В ПРОТИВОГАЗЕ даёт АННЕ и ВИКТОРУ лист на подпись. Те расписываются.

ВИКТОР. Пономаренко? Борис Пономаренко вам не попадался?

Старший неразборчиво отвечает. Один из автоматчиков прихватывает бутылку с водой, другой забирает автомат со стола. ЛЮДИ В ПРОТИВОГАЗАХ уходят.

ВИКТОР. Что это было?

АННА. Комендантская проверка. Ничего, ты привыкнешь.

ВИКТОР. Я постараюсь.

ВИКТОР поднимает с пола радиоприёмник, пытается его наладить.

Привык уже к радио. Какая-никакая, а связь с Родиной. Односторонняя.

АННА. Как встречная полоса, как падение вверх. Как неправильная любовь.

ВИКТОР. Любовь всегда правильная, если она не фальшивая, типа любви к Отчизне.

АННА. Ненавижу это слово.

ВИКТОР. Какое?

АННА. «Отчизна».

ВИКТОР. Хорошо хоть не «любовь».

АННА. Любовь люблю.

ВИКТОР. Хорошее слово. Да и дело хорошее. Слово и дело.

АННА. Обними меня, Витя, я так хочу. Давно хочу.

ВИКТОР растерянно смотрит на АННУ. Она подходит и обнимает его сзади.

Всё заканчивается, Витя. Всё когда-нибудь заканчивается. Я хочу, чтобы всё у нас с тобой закончилось так, спокойно и нежно.

ВИКТОР. Почему сразу «заканчивается»? Пусть так будет долго, всегда, до конца.

АННА. Пусть.

Внезапно оживает радиоприёмник, откуда доносится голос диктора: «А сейчас рубрика «Великая русская поэзия». Борис Пастернак, «Марбург». Читает Ольга Покровская.

Что? Сделай погромче, Витя! Пожалуйста!

ВИКТОР усиливает звук в приёмнике, где звучит голос матери Анны.

«Я вздрагивал. Я загорался и гас.

Я трясся. Я сделал сейчас предложенье, —

Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.

Как жаль её слез! Я святого блаженней.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтён

Вторично родившимся. Каждая малость

Жила и, не ставя меня ни во что,

В прощальном значеньи своём подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб

Был смугл, и на небо глядел исподлобья

Булыжник, и ветер, как лодочник, грёб

По лицам. И все это были подобья.

*Но, как бы то ни было, я избегал
Их взглядов. Я не замечал их приветствий.
Я знать ничего не хотел из богатств.
Я вон вырывался, чтоб не разреветься.*

*Инстинкт прирождённый, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребьячья зазноба. За ним,
К несчастью, придётся присматривать в оба».*

*«Шагни, и ещё раз», — твердил мне инстинкт,
И вёл меня мудро, как старый схоластик,
Через девственный, непроходимый тростник
Нагретых деревьев, сирени и страсти.*

*«Научишься шагом, а после хоть в бег», —
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнова учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.*

*Одних это всё ослепляло. Другим —
Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.*

*Плыла черепаха, и полдень смотрел,
Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге
Кто, громко свища, мастерил самострел,
Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.*

*Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозье играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.*

*В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал...»*

Мама. Я здесь, мама. Я здесь. Я слышу.

*Внезапно голос матери Анны прерывается, звучит официальное тревожное
сообщение: «Внимание, информация Генштаба! Враг вновь нанёс
массированный удар стратегическим оружием. Это не учения! Просьба
немедленно укрыться в бомбоубежищах и приспособленных для этого
помещениях. По сообщению Генштаба, удар представляет особую опасность
следующим городам...» Объявление прерывается, из радиоприёмника доносится*

только шипение и треск. В наступившей тишине громко звучат щелчки секундной стрелки на циферблате настенных часов.

ВИКТОР. Это про меня — «Марбург».

АННА. Я знаю. Всегда это знала. Обними меня.

ВИКТОР встаёт, обнимает АННУ, нежно гладит по волосам кончиками пальцев. Отстраняется, смотрит в лицо.

ВИКТОР. Хочу всегда быть с тобой.

АННА. И я. Пусть мы будем всегда. Как в последний раз.

ВИКТОР. Крайний.

Помещение вздрагивает. Из-под стола выкатывается гильза с романом Виктора. Часы громко тикают, внезапно смолкают. Секундная стрелка прекращает свой бег. Резко гаснет свет.

Апрель 2024 года, г. Омск

